

Его биография не помогла его стихам. Ушел на фронт мальчишкой? Ну, не он один. К тому же в отличие от Когана, Кульчицкого или Майорова выжил, получив только околный нефрит. И не попал вместе с ними в школьную программу и в некогда знаменитый таганский спектакль. Зато сразу после войны угодил в официальную обложку поэтов-фронтовиков, в которой его поминали, по собственному признанию Александра Петровича, даже те несколько лет, когда он совсем не писал. Очевидно, «помогли» «Коммунисты, вперед...». Благодаря этому второму партийному гимну (после терявшего свою актуальность «Интернационала»), написанному, впрочем, вполне вдохновенно (а разве не вдохновенно сыграл Урбанский в фильме «Коммунист?»), Межирова регулярно печатали. И никогда он не был опальным, хотя бы частично запрещенным (что невероятно способствует популярности). Хотя берусь утверждать: некоторые межировские стихи крамольнее многих ходивших в там- и самиздате. Достаточно вспомнить «Мы под Колпином скопом стоим...»:

Нас комбаты утешить хотят,
Нас великая Родина любит,
По своим артиллерия лупит —
Лес не рубят, а щепки летят.

Между прочим, это написано и напечатано до первых правдивых военно-полевых романов, которые потом составили едва ли не самый мощный пласт советской литературы. Ну и, как вы понимаете, стихи-то эти отнюдь не только о войне.

Но вернемся к «неудачной» мирной биографии Александра Петровича. Кроме жизни профессионального литератора (много и блестяще переводил, преподавал на Высших литературных курсах), можно сказать, до сегодняшнего дня, он вел жизнь профессионального игрока. Бильярдного и карточного. То есть с советскими законами пребывал в сложных отношениях. Но и тут ему не повезло: давая почву для упорных слухов, его игроцкие подвиги не переросли в скандал. В то же время благодаря им Межиров получил возможность не зависеть от литературы материально. А это позволяло ему писать только то, что Бог на душу положит. И не обольщаться политическими послаблениями, будто бы дававшими право слиться в экстазе с властью. Потому Межиров, как никто, имел внутреннее основание для такой вот отповеди шестидесятиникам (которая и сейчас, и не только по отношению к ним звучит убийственно точно):

Какие-то колокола
Или какой-то звон капли.
Казалось, ростепель была,
Казалось, что на самом деле.

Но было вам разрешено
Немного больше, чем дано

Природой или же
Всевышним,
И оказалось потому
Не по плечу, не по уму
И не по духу, то есть лишним.

Лишенные величин,
Вы все торчать обречены,
Как спицы в колесе без обода, —
Без исторического опыта.

Да, так вот и «торчат» по сей день...

И, похоже, даже с некоторыми иллюзиями не расстались — теми, которых Межиров никогда не испытывал. Более того, именно он еще тогда, в шестидесятые (точнее в 1962-м), первым увидел нынешние времена:

Все хорошо, все хорошо.
Из Мавзолея Сталин изгнан,
Показан людям Пикассо,
В Гослитиздате Бунин издан.

Людей, понимающих и чувствующих поэзию, немного. Даже среди тех, кто сам пишет стихи или о стихах. Распознать поэта в России зачастую помогает его трагическая судьба. А если внутренняя трагедия, которая сопровождает жизнь любого настоящего поэта, не обрела яркого внешнего выражения, как-то: дуэль, самоубийство, сталинские лагеря, скандал с Нобелевской премией или выдворение из страны? Тогда, увы, трагичной становится судьба стихов этого поэта. Так случилось с Иннокентием Анненским и Федором Сологубом, до сих пор всерьез непрочитанными. Практически неизвестным, даже просвещенной публике, остается Владимир Щировский. На сегодняшний день уверенно добавлю к этому списку Александра Межирова

ИГРОК В СВОЕМ ОТЕЧЕСТВЕ

Цветам разрешено цвести,
Запрещено ругаться матом.
Все это может привести
К таким плачевным результатам.

К каким — теперь мы знаем. А удивительнее всего, пожалуй, что напоролил нам это поэт-лирик — не трибун. По крайней мере не из тех, кто собирал стадионы.

Конечно, нельзя сказать, что Межиров не написал «лиричных» стихов — а разве у Блока их нет? — но социально-политическими заказами свой дар точно не обременял. Почему же остается ощущение неполной реализации этого очень крупного дара?

Может быть, дело в том, что какие-то меркантильные цели в отношениях со своей Музой он порой все-таки преследовал? Например, Межиров почти не писал статей о поэзии и тем более публицистических, и всю полемику с идейными и эстетическими противниками переносил в стихи. Или — еще опаснее! — написал целую поэму-объяснение своей эмиграции.

И все равно — уехал он из России в такое время, что его эмиграция, став фактом биографии и темой стихов, не осенила ореолом мученичества его судьбу.

Но вот судьба фронтового поколения, по вине Межирова, по существу последнего поэта этого поколения, завершается трагической нотой. Вместо гран-

диозного творческого вечера в каком-нибудь Колонном зале, наград и речей (пусть даже дурацких) 75-летний юбилей нашего последнего (еще раз это подчеркиваю) большого поэта-фронтовика, одного из лучших русских поэтов второй половины века, будет отмечен в другом полушарии, в Нью-Йорке, который, несмотря на свою многоязычность, этого события скорее всего просто не заметит: «Не мог ценить он нашей славы...»

Хотя, верю, и на другом берегу океана, как и в России, у Межирова есть пусть немногочисленные, зато горячие поклонники. Из тех, кто умеет чувствовать стихи, — дар, почти равный поэтическому. Он сам об этом написал:

У каждого свой болейщик,
У каждого игрока.
И у меня, наверно,
И даже наверняка.
Он в кассе билет оплачивает
И голову отворачивает,
Когда меня в борт вколачивают
Защитники ЦСКА...

Не болейте, Александр Петрович, — мы болеем за вас. И примите в своем Новом Йорке самые теплые поздравления от «Новой газеты».

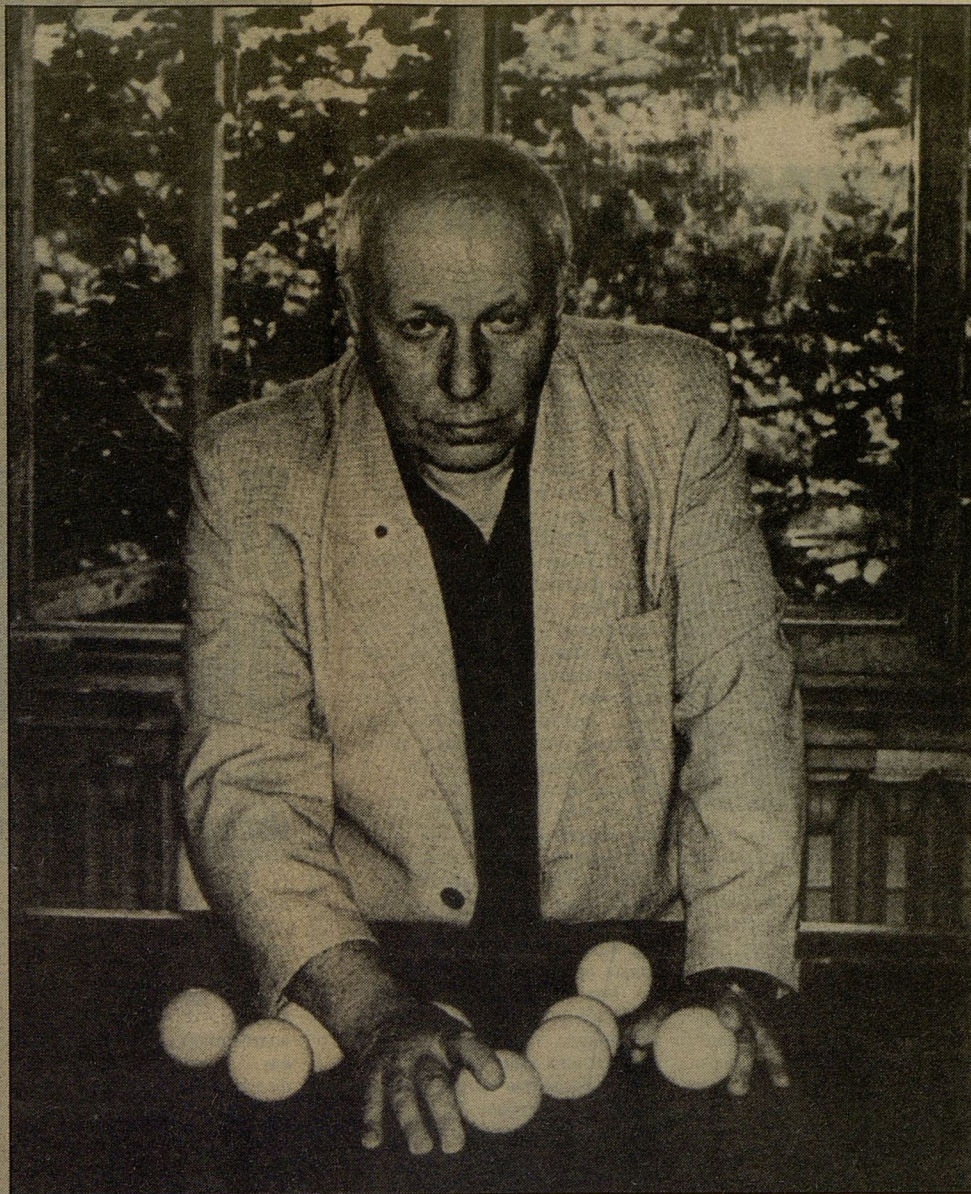
Олег ХЛЕБНИКОВ

● P.P.S. А все-таки жаль, что нельзя с Александром Петровичем Поужинать, в «Яр» заскочить хоть на четверть часа...

● P.P.P.S. Я позвонил Межирову в Портленд, где он сейчас находится. В ответ на мой вопрос о сегодняшней ситуации в России, как она видится ему из Америки, Александр Петрович сказал: «У меня есть только ощущение, но, может быть, ощущение — наиболее надежная штука... Все необратимо, прежнего уже не вернется. В муках, но что-то получится».

Поверим поэту — ведь многое он уже предсказал? ● P.P.P.P.S. Узнав, что в нашей газете идут его новы стихи, и поблагодарив, Межиров вздохнул: «Я хотел бы писать совсем по-другому... И это нелепость — писать стихи в 75 лет, стихам не нужен опыт, нужно что-то совсем другое, чего в этом возрасте уже не бывает...»

Читая последние, присланные из США стихи действующего поэта, не поверим, что не бывает.

Александр МЕЖИРОВ

Был обморожен когда-то и ранен,
Только по случаю не был убит.
Госпиталь имени «Самаритянин»
Ласково режет меня и дробит.

Дактиль четыреждыстошный,
бурлацкий
По берегам Lake Oswego тяну.
Этот окопный нефрит ленинградский
Вот как откликнулся через войну.

Снег моросит. Орегонские рощи
Перед зимой облетели почти.
Все оказалось значительно проще,
Чем показало в начале пути.

Оттепель
С крестами или без крестов,
Московских сорок сороков
Всю зиму ждали с неба
Хоть горсть сухого снега,
Но таяло и таяло,
Как будто бы Италия.

Не забелели купола,
Им небо снега не дало,
Всю зиму оттепель была,
Зимы в ту зиму не было.

И город весь полег вповал,
Чихал и кашлял, грипповал,
Подорожали одеяла
В связи с утратой идеала.

Значит, не забыл пока
Гинзбург Лёва —
Повелитель языка,
Пастырь слова.

Он на виллы к палачам
Заявлялся по ночам,
Разговор не разглашать
Обещался,

Обещанье нарушать
Не боялся.

Не боялся ни ножа,
Ни кастета.
А вообще-то жил дрожа,
А вообще-то Опасался пустяка,
Своей тени,
Адюльтера, например,
Где-то в Вене.

И однажды мне сказал
Из-под спуда:
— Неудавшаяся жизнь
Тоже чудо.

Баллада
о сгоревшем мясе

Над сонмищем домиков частных
Торчал вспомогательный дом,
Где три старика разнесчастных
Болтали о том и о сем.

В духовку поставили мясо, —
Как вдруг появился один
Не слишком высокого класса,
Но все же вполне господин.

Не Лоуренс и не Канарис,
В другие игрушки играл,
Вполне просвещенный швейцарец
И традиционный нейтрал.

Вертаться и вращаясь недаром
В кругах разнесчастных Москвы,
Он был убежденным нейтралом
(По мнению столичной молвы).

Супруга его с полужнака
Готова супругу помочь.
Он был титулярный писака,
Она генеральская дочь.

И думал он только о деле,
И делал он только дела,
И три старика проглядели,
Как мясо сгорело дотла.

Курили они папиросы,
А он сигареты «Пэл-Мэл»,
И все задавал им вопросы,
И жалости к ним не имел.

Звучит разговор воспаленный
О времени и о себе,
Работает дистанционный
Прослушиватель КГБ.

Машины его полукругом
Стоят, образуя экран.
Взаимно довольны друг другом
Разведки враждующих стран.

Дымит сигарета чужая
И ноздри щеколет слегка.
Этнический бум приближая,
Безумствуют три старика.

В их рвенье великом и малом
Сквозит разнесчастная нить, —
Реальность они с идеалом
Хотят на земле соединить.

И раннюю память навеки
О десятилетней войне,
О том, что ахейские греки
В Троянском таятся коне.

Пизанская башня седая,
Табачного пепла наклон,
И я, это все наблюдая,
Задымленный Лаокоон.

Чужая дымит сигарета
Дотлела до фильтра она.
И я, наблюдая все это,
Лояльно сижу у окна.

Вот еще одна поэма...

Что осталось от нее?
Абсолютно ничего
Не осталось. Только пена.

Пена времени кипит.
Нет на свете пены пенней
Пены мелочных оби
И фальшивых всепрощений.

Впрочем, даже и трава
Не растет на голой правде.
Если я не прав, поправьте,
Но подумайте сперва.